

Кокорхоева Дугурхан Султангиреевна**Kokorkhoeva Dugurkhan Sultangireevna**

кандидат исторических наук,
 профессор кафедры всеобщей истории
 Ингушского государственного университета

PhD in History,
 Professor, General History Department,
 Ingush State University

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКИХ АВТОНОМИЙ В ЧЕЧНЕ И ИНГУШЕТИИ (1920–1934 ГГ.): ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ

FORMATION AND DEVELOPMENT OF SOVIET AUTONOMIES IN CHECHNYA AND INGUSHETIA (1920–1934): POLEMIC ASPECTS

Аннотация:

Статья посвящена дискуссионным аспектам становления и развития автономных областей в Чечне и Ингушетии (1920–1934 гг.) в контексте советского национально-государственного строительства. Новизна работы проявляется в использовании впервые опубликованных архивных документов. Проанализированы следующие основные аспекты темы: дискуссии первой половины 1920-х гг. о выборе статуса Чечни и Ингушетии, изменение территории данных автономий, регулирование политических и этноконфессиональных противоречий. Преобладающие мотивы создания автономий заключались в необходимости преодоления межэтнических конфликтов, проведения курса «позитивной дискриминации». В 1930-х гг. мотивы изменились в направлении обеспечения контроля со стороны центральной власти.

Ключевые слова:

советские автономии, Чечня, Ингушетия, становление, развитие, 1920–1934 гг., дискуссионные аспекты.

Summary:

The article deals with polemic aspects of formation and development of autonomous regions in Chechnya and Ingushetia (1920–1934) in the context of the Soviet nation-building. The scientific relevance of the research consists in the application of the archival documents published for the first time. The main aspects of the topic are: debates of the early 1920-s on the choice of the status of Chechnya and Ingushetia; changes in the autonomies' territories; regulation of political and ethno-religious conflicts. The predominant motives of autonomies formation were the need to overcome the inter-ethnic conflicts, to follow the policy of 'positive discrimination'. In the 1930-s the motives changed in the direction of ensuring the central government control.

Keywords:

Soviet autonomies, Chechnya, Ingushetia, formation, development, 1920–1934, polemic aspects.

Актуальность темы проявляется в дискуссионности процессов становления и развития автономных образований в Чечне и Ингушетии (1920–1934 гг.) в контексте советского национально-государственного строительства. Исследование означенного вопроса злободневно в связи с современными задачами укрепления единства российской нации, поддержания мира и дружбы между народами на Северном Кавказе. В советский период тема не могла быть освещена объективно и всесторонне из-за цензурных идеологических ограничений. К тому же масштабные конфликты в Чечне 1990-х гг. привели к утрате важных исторических документов и книжных изданий. Новизна статьи проявляется в использовании впервые опубликованных архивных источников. Они вошли в сборники документов [1, с. 381–446, 462–638; 2, кн. 2, с. 72–75; 3, т. 1, с. 432, 553, 606], которые до сих пор редко анализируются специалистами.

Цель статьи – выявить направленность и типологию курса формирования советских автономий в Чечне и Ингушетии (1920–1934 гг.). Основными аспектами темы являются: дискуссии первой половины 1920-х гг. о выборе статуса Чечни и Ингушетии, изменение территории данных автономий, регулирование политических и этноконфессиональных противоречий. Внимание уделено формированию партийно-государственной номенклатуры в автономиях, противоречиям между принципом обеспечения лояльности местных кадров управления и их «коренизацией».

Заявленная тема исследована в исторической науке неравномерно. Преобладают работы о начальном периоде национально-государственного строительства, связанном с созданием Горской АССР (1920–1924 гг.) [4; 5; 6] и районированием автономий в составе Северо-Кавказского края (1924 г.) [7; 8]. Вместе с тем последующий период изучен фрагментарно, в основном в аспекте территориального устройства [9].

Источниковая основа работы включает в себя: документы большевистской партии – директивные (резолюции съездов, конференций, пленумов ЦК, краевых и областных комитетов) и нарративные (стенограммы обсуждений, отчеты, докладные записки местных партийных органов в ЦК и краевые руководящие инстанции); документы революционных комитетов и исполнительных комитетов Советов; тексты выступлений партийных и государственных руководителей; материалы переписей населения и текущего статистического учета; географические карты; статьи периодической печати. Особо ценны сборники документов, опубликованные в постсоветский пе-

риод: «Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.)» [10], «ЦК ВКП(б) и национальный вопрос» [11, т. 2], «Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927» [12], «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)» [13].

В статье применены как общенаучные принципы системности и историзма, так и специальные методы бинарного синхронного сравнения, источниковедческого анализа документов. Применяется методологически важная парадигма политики «положительной деятельности», которую проводила партийно-государственная власть в отношении этнических меньшинств (1920-е – начало 1930-х гг.) [14]. Данная политика предполагала децентрализацию и «коренизацию» власти (создание многоуровневых форм территориальных автономий, насыщение органов управления представителями «титультных» народов, приоритетное развитие их языков, образования и культуры при сохранении государственного единства). Политика «положительной деятельности» была проявлением общей стратегии мировой революции и исчерпала себя по мере перехода партийно-государственной власти к сталинской стратегии «построения социализма в отдельной стране», приведшей к акценту на интегрирующую роль «русского ядра» государства.

Анализируя причины и формы создания советских автономий Чечни и Ингушетии в первой половине 1920-х гг., следует учитывать прежде всего обстоятельства макроисторического уровня. Победившая в Гражданской войне советская система соблюдала принцип этнотерриториального федерализма, противопоставляя обещания равенства и братства народов, обретения ими самоопределения прежней имперской системе. Коммунистическая партия должна была продемонстрировать народам Востока положительный опыт «разрешения национального вопроса» [15]. Вместе с тем в ходе Гражданской войны уже создавались формы государственности народов Северного Кавказа, пусть и чуждые советской власти идеологически. Их опыт отчасти использовался большевиками, чтобы противопоставить унитаризму белого движения свой привлекательный для горцев проект. На Северо-Восточном Кавказе вооруженная борьба между властью и сепаратистским подпольем продолжалась в течение всех 1920–1930-х гг., что требовало от большевистской системы дать народам весомые права: землю, автономию, сохранение обычного права и религиозных норм. Необходимо было найти прочное равновесие между соперничающими требованиями этнических элит, между учетом местного своеобразия и императивами «классовой» политики. Руководители Кавказского бюро ЦК РКП(б), Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) – ВКП(б) не всегда были сведущи в сложных вопросах «национального строительства», допуская пристрастность в принятии властных решений.

Как известно, в период Гражданской войны ненадолго возникали формы государственности – предшественники полноценных автономий: Терская и Северо-Кавказская советские республики. 31 марта 1920 г. Революционный военный совет Кавказского фронта РККА своим приказом создал Северо-Кавказский революционный комитет как чрезвычайный орган государственного управления. Основная работа по подготовке проектов национально-государственного строительства сосредоточилась в руках членов Кавказского бюро ЦК РКП(б). 20 января 1921 г. ВЦИК РСФСР постановил образовать Горскую Автономную Советскую Социалистическую Республику, «в состав которой включались территории, занимаемые ныне чеченцами, осетинами, ингушами, кабардинцами, балкарцами, карачаевцами и живущими между ними казаками и иногородними» [16]. Административно-территориальное устройство Горской АССР первоначально включало в себя 6 административных округов, среди них Чеченский и Назранский. Города Владикавказ и Грозный с нефтепромыслами, где преобладали русские жители, составили самостоятельные административные единицы в прямом подчинении Центральному исполнительному комитету и Совету народных комиссаров Горской АССР.

Следует учитывать, что состав органов государственной и партийной власти был полиэтничным. По подсчетам Н.Ф. Бугая, Чеченский, Ингушский и другие окружные ревкомы полностью состояли из представителей местных народов, а в городских ревкомах преобладали русские [17, с. 119–120]. Это обстоятельство при декларируемом интернационализме большевистской политики поощряло соперничество между округами на почве обладания землей, распределения помощи центральной власти.

По расчетам А.Х. Даудова и Д.И. Месхидзе со ссылкой на газету «Горская беднота», в 1920 г. в среднем на одного ингуша приходилось 0,2 дес., на одного чеченца – 0,4 дес., а на одного казака Сунженской линии – 4,8 дес. земли [18, с. 100–101]. Эти сведения подтверждает исторический очерк «Автономная Горская Социалистическая Республика на основе данных Народного комиссариата земледелия Горской АССР [19, с. 420–421]. Как результат, Терский областной ревком 19 апреля 1920 г. объявил о национализации земли, запретив ее куплю-продажу, аренду и прочие виды оборота. Участки земли, находившиеся в частной собственности, были перераспределены между горской и русской иногородней беднотой. 27 мая последовала национализация племенных овцеводческих хозяйств [20, с. 239–241]. Члены Кавказского бюро ЦК

РКП(б) 6 сентября 1920 г. приняли решение наделить народы Северного Кавказа землей за счет выселения станиц Сунженской казачьей линии, получив на эту жесткую меру одобрение Политбюро ЦК РКП(б) [21; 22, с. 164–166]. В итоге удалось смягчить неравенство землепользования между русскими и горскими местностями, их чересполосное размещение, но оставались острыми разногласия между различными народами и автономиями в составе Горской АССР.

Уже в 1922 г. состоялся выход Кабардинской автономии из состава Горской АССР. Такие же требования выдвинули другие округа. Второй съезд Советов Горской АССР, стремясь сохранить единство республики, принял в марте 1922 г. заключение о неудовлетворительной работе ЦИК республики и ее Совнаркома, о слабой связи этих органов управления с местностями и центральной властью [23, с. 429–430]. Представители русского населения предлагали создать Грозненскую губернию. Отметим доклад секретаря Грозненского окружного комитета РКП(б) Н. Носова в Народный комиссариат национальностей РСФСР от 17 мая 1922 г. Его автор настаивал на том, что устойчивость советской власти может быть обеспечена только при опоре на беднейшие и середняцкие слои горцев, а не на «сильные родовые группы», как делалось до сих пор [24, с. 440]. «Идти по пути национальной автономии народности с патриархально-родовым укладом жизни – это значит замкнуть народность в национальную скорлупу и усилить влияние реакционных слоев горской деревни, создав поле для стихийного авантюризма религиозного (имамства) и национального (шейхов) рангов...» [25, с. 443].

И позже партийно-советские руководители города Грозного постоянно выступали против вхождения в состав Чеченской автономии, отстаивая свой контроль над пригородными станицами и нефтепромыслами [26, с. 463–465, 473]. Напротив, комиссия Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР признала в 1922 г. «совершенно нецелесообразным выделение Грозного с прилегающими районами как мощного экономического и пролетарского центра из состава Горреспублики» [27, с. 156]. Проблема определения границ Чеченской автономной области решалась заседанием Наркомнаца РСФСР 12 декабря 1922 г. Выделение города Грозного и пригородных местностей в особую единицу было поддержано членами президиума Горского обкома РКП(б) и руководителями Чеченской автономной области [28]. Между трестом «Грознефть», Чеченским облревкомом и Грозненским горисполкомом Советов велся спор по частным аспектам разграничения, а также о распределении прибыли от нефтедобычи. Окончательно вопрос о границах города Грозного решался комиссией ВЦИК РСФСР с представительством в ней сотрудников Наркомнаца, Краевого экономического совета Юго-Востока России и ВЦИК. Границы были утверждены ВЦИК РСФСР 19 марта 1923 г. в расширенном варианте [29, с. 187].

Следует учесть, что состав руководства Чеченского окружного комитета РКП(б) и окружного ревкома отражал патриархально-клановое состояние населения. Первым председателем Чеченского областного ревкома 30 ноября 1922 г. был утвержден Т.Э. Эльдерханов – учитель, бывший депутат Государственной думы [30, с. 462]. Значительную роль в местных руководящих органах играл А. Шерипов, которого современный исследователь И.М. Сигаури назвал «националистом либерального толка, поверившим, что большевики действительно готовы признать национальные права чеченцев» [31, с. 350]. Характерно, что партийно-советские краевые органы пытались укрепить авторитет Чеченского областного ревкома, включив в его состав шейха А. Митаева, имевшего под контролем военные отряды своих мюридов. Впоследствии опасное для власти усиление А. Митаева привело к его аресту и расстрелу в 1924 г. [32, с. 126–127; 33, с. 540–541].

Информационные сводки и обзоры ВЧК – ОГПУ подтверждают шаткость органов управления Чечни и Ингушетии в условиях политического бандитизма, мятежей под исламскими и протурецкими лозунгами. Например, таково содержание государственно-информационной сводки полномочного представительства (ПП) ГПУ по Юго-Востоку России № 30 от 19 апреля 1922 г., № 59 от 4 ноября 1922 г. [34, т. 1, с. 606, 709–710]. Госинфсводка ПП ГПУ № 48 от 3 июля 1922 г. указывает: «В связи с безвластием создаются шариатские отряды и суды по инициативе националистов под предлогом якобы установления крепкой власти» [35, т. 1, с. 657]. Госинфсводка ПП ГПУ № 9 от 18 марта 1923 г. отмечает недовольство ингушей тем, что органы управления неспособны провести землеустройство [36, т. 2, с. 89]. Массовый политический бандитизм признается также в докладе № 26 Чеченского облревкома представительству Чеченской автономной области при СНК РСФСР от 30 марта 1923 г. [37, с. 474–481], в информационном обзоре штаба 9-го стрелкового корпуса за июль – сентябрь 1924 г. [38, с. 517–518].

Выход Кабардино-Балкарии из состава Горской АССР значительно снизил привлекательность единой автономии. Так, с мая по август 1923 г. согласно решению президиума ЦИК Горской АССР проведено районирование республики. Созданы округа: Назрановский (Ингушский), Владикавказский (Осетинский), Сунженский (Казачий), в их составе выделены районы. Это означало приближение власти к населению, переход от чрезвычайных органов – ревкомов к выборным Советам депутатов.

Укрепление системы партийно-государственной власти поставило в 1923–1924 гг. новые цели районирования Северного Кавказа: повысить хозяйственную состоятельность автономных единиц, оживить их взаимосвязи, а прежде всего обеспечить прочный политический контроль советской власти. Но идеологическое единство не исключало прагматических разногласий как между центральными и местными органами власти, так и между «русскими» и «национальными» территориями. Например, Госплан РСФСР предлагал создать «экономическую федерацию» всех республик Закавказья, Дагестана и Северного Кавказа [39, с. 96–97]. Этот проект встретил неприятие Кубано-Черноморского и Терского областных исполкомов, отстаивавших деление на три области: Закавказскую, Горскую (включая Дагестан) и Северо-Кавказскую (Ставропольская и Терская губернии, Кубано-Черноморская область) [40, с. 5, 8–11]. Руководители Юго-Восточного краевого планового управления настаивали образовать Среднекавказский экономический район в составе Дагестана, Горской АССР, Терека и Ставрополя [41, с. 45]. Надо признать, что последний из перечисленных проектов совпадает с современным Северо-Кавказским федеральным округом. Точку в дискуссии поставил ВЦИК РСФСР, приняв 13 февраля 1924 г. «Положение о Юго-Востоке России». В нем утверждено создание края (позже названного Северо-Кавказским). Он должен был состоять из 2 областей, 2 губерний и 4 автономных областей (в том числе – Чеченской), автономного города Грозного. Дагестанская АССР в край не вошла, напрямую подчиняясь РСФСР. Ингушетия еще не имела автономного статуса.

Центральная власть стремилась избежать перекройки территории на низовом уровне и проводить реформу постепенно, в автономиях во вторую очередь после областей и губерний [42, с. 17]. ВЦИК РСФСР принял 7 июля 1924 г. постановление об упразднении Горской АССР и ее разделении по этническому признаку на Северо-Осетинскую и Ингушскую автономные области, автономный Сунженский округ и город Владикавказ (последние два образования – с преобладанием славянских жителей) [43]. Создание краевого центра макрорегионального управления в городе Ростове-на-Дону, которому переподчинялись автономные области, делало территориальную организацию власти более эффективной, снижало степень конфликтов между административными единицами. Этнический фактор районирования при создании Северо-Кавказского края и его автономий не игнорировался, а переводился на низовой уровень, отчасти деполитизировался. Такой курс соответствует теоретической модели кантонизации, то есть разрешению проблем на уровне местного самоуправления.

Мнение самого населения Чечни и Ингушетии, как и других автономий Северного Кавказа, при всех территориальных преобразованиях учитывалось слабо. Как доказали А.Х. Даудов и Д.И. Месхидзе, органы партийной и советской власти автономий в 1923–1924 гг. выступали за сохранение Горской АССР, как и беспартийные конференции трудящихся. Разграничение созданных автономных образований на Тереке шло с большими затруднениями из-за несовместимости позиций сторон, и к соглашению удалось прийти только к концу 1924 г., через полгода [44, с. 185–194].

Период 1924–1927 гг. принес относительную стабилизацию политической и межэтнической обстановки в Чечне и Ингушетии, укрепление их партийного и советского аппарата управления, разрешил функционирование традиционных институтов (духовенства, советов старейшин, комиссий по примирению кровных споров). Однако поворот центральной власти к ускоренной индустриализации и коллективизации в конце 1927–1929 гг. означал неизбежный рост «классовой» неприимости и попытку преодоления этноконфессиональных особенностей. Показательна докладная записка председателя краевой комиссии Д. Нагиева в президиум Северо-Кавказского крайисполкома Советов о результатах обследования деятельности Чеченского облисполкома от 4 августа 1928 г. Ее автор отмечает прочность родовых и религиозных структур, неизменность средневековых земельных отношений, «широко практиковавшиеся перевыборы по принципу “тейпового” (родового) представительства» [45, с. 542–543]. Сходы общин («джамагатов») полностью преобладали над аульными и районными советами. Из этих фактов Д. Нагиев делает выводы о необходимости полной изоляции от выборов кулачества и духовенства, об ослаблении сходо в пользу советов, об укреплении кадров госаппарата в Чечне за счет служащих краевого звена [46, с. 561].

Одновременно развивался спор между партийно-советскими органами Чечни и Ингушетии по вопросу объединения автономных областей в автономную республику. Руководство Чечни инициировало эту реформу, а Ингушетии оказывало ей сопротивление [47, с. 126–133]. Осенью 1928 г. – зимой 1929 г. был положительно решен вопрос о присоединении города Грозного и Сунженского округа к Чеченской автономной области, что было продиктовано стремлением повысить «пролетарское влияние» и увеличить рабочую прослойку среди коренных народов. Согласно «Обзору политического состояния СССР за октябрь 1928 г. (по данным ОГПУ)», решения Северо-Кавказского крайисполкома о передаче города Грозного и Сунженского округа Чечне вызвали среди «нацинтеллигенции сильный подъем настроений... Недостаток кадров национальных работников дает надежду всей той части нацинтеллигенции, которая в свое время была отстранена от руководства, вернуться вновь к власти» [48]. Но одновременное решение крайисполкома передать город Владикавказ Северо-Осетинской автономной области воспринималось враждебно в Ингушетии [49].

С началом массовой коллективизации быстро меняются приоритеты партийно-государственной власти в регионе. От автономий требовались неукоснительное выполнение хлебозаготовок, ликвидация кулачества как класса, уничтожение влияния религии и традиционных институтов. Это неизбежно сократило общественную поддержку власти. Так, в декабре 1929 г. и марте 1930 г., весной 1932 г. подавлены «контрреволюционные выступления целых районов» в горной Чечне [50, с. 454–455, 563–583, 619–623]. Проводится массовая чистка партийного и государственного аппарата. В условиях ужесточения политического режима стало целесообразным укрупнить территориальные единицы, поскольку они уже всецело зависели от вышестоящих уровней власти. Президиум ВЦИК СССР 15 января 1934 г. постановил объединить Чечню и Ингушетию в Чечено-Ингушскую автономную область (с 1936 г. – АССР) [51, с. 623].

Таким образом, преобладающими мотивами создания автономных областей в Чечне и Ингушетии (первая половина 1920-х гг.) были: необходимость преодолеть межэтнические конфликты, проводить курс «положительной деятельности» в сфере национальной политики, повышая статус коренного населения. Выбор правового статуса и территориальных пределов автономий определялся наличными экономическими ресурсами, классовым и этническим составом населения, степенью политической лояльности и властного контроля. Первоначальная модель автономии (1920-й – лето 1924-го) предполагала баланс интересов автономных областей в рамках Горской АССР, что было крайне сложно поддерживать при слабом контроле над политической ситуацией. Вторая модель (лето 1924-го – 1928-й) означала создание отдельных этнических автономий в подчинении Северо-Кавказскому краю, что делало территориальную организацию власти более эффективной, снижало степень конфликтности между административными единицами. Этнический фактор районирования при создании Северо-Кавказского края и его автономий переводился на низовой уровень, отчасти деполитизировался. Такой курс соответствовал модели кантонизации, разрешения проблем на уровне местного самоуправления. С 1928 г. мотивы изменились на обеспечение жесткого контроля со стороны центральной власти. В условиях ужесточения политического режима целесообразно было укрупнить территориальные единицы, которые всецело зависели от вышестоящих уровней власти. Это привело сначала к присоединению города Грозного и Сунженского округа к Чеченской автономной области, а затем к образованию в 1934 г. Чечено-Ингушской автономии.

Ссылки:

1. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / сост. и авт. коммент. И.А. Зюзина [и др.]. М., 2011.
2. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос : в 2 кн. / сост.: Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, Дж. Кадио. М., 2009. Кн. 2.
3. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. / под ред. А. Береловича, В.П. Данилова. Т. 1. 1918–1922. М., 2000.
4. Даудов А.Х. Горская АССР (1921–1924 гг.). Очерки социально-экономической истории. СПб., 1997.
5. Кажаров А.Г. Политика советской власти на Северном Кавказе и образование Горской АССР в 1920–1921 гг. // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2015. № 2. С. 5–10.
6. Бугаев А.М. Образование автономий горских народов Северного Кавказа: этапы становления // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 78–81.
7. Дендиев К.Г., Осмаев А.Д. Политическое развитие Чеченской автономии в первой половине 1920-х годов // Труды Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН. Грозный, 2013. С. 335–341.
8. Харсиев Б.М.-Г. Причины возникновения и ликвидации ингушской государственности советского периода // Теория и практика общественного развития. 2012. № 8. С. 303–305.
9. Дидигова И.Б. Административно-территориальное устройство Чечни и Ингушетии. 1920–1930-е годы : дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
10. Вайнахи и имперская власть ...
11. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2.
12. Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927 : сб. док. / сост.: А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 1996.
13. «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : в 10 т. / ред. совет: Г.Н. Севостьянов [и др.]. М., 2001. Т. 1.
14. Ефименко Г.Г. Форма и реальное содержание «положительной деятельности» советской власти в сфере национальной политики (1919–1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1930-е годы. М., 2014. С. 157–164.
15. Там же.
16. Об автономной Горской Советской Социалистической Республике : декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 20 янв. 1921 г. // Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1921. № 6. Ст. 41.
17. Бугай Н.Ф. Революционные комитеты Дона и Северного Кавказа. 1919–1921 гг. М., 1979.
18. Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924 гг.). СПб., 2009.
19. Вайнахи и имперская власть ... С. 420–421.
20. Борьба за советскую власть в Чечено-Ингушетии (1917–1920 гг.) : сб. док. и материалов / сост. Е.П. Киреев, Л.Ф. Мануйленко. Грозный, 1958.
21. РГАСПИ (Рос. гос. арх. соц.-полит. ист.). Ф. 85. Оп. 11. Д. 131. Л. 2.
22. Большевицкое руководство ... С. 164–166.

23. Вайнахи и имперская власть ... С. 429–430.
24. Там же. С. 440.
25. Там же. С. 443.
26. Там же. С. 463–465, 473.
27. Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Указ. соч. С. 156.
28. ГА РФ (Гос. арх. Рос. Федерации). Ф. Р-5677. Оп. 3. Д. 346. Л. 12–12 об., 42–42 об.
29. Юго-Восток. Ростов н/Д., 1923. № 4. С. 187.
30. Вайнахи и имперская власть ... С. 462.
31. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М., 1997.
32. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д., 2012.
33. Вайнахи и имперская власть ... С. 540–541.
34. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД ... Т. 1. С. 606, 709–710.
35. Там же. С. 657.
36. Там же. Т. 2. 1923–1929. М., 2000. С. 89.
37. Вайнахи и имперская власть ... С. 474–481.
38. Там же. С. 517–518.
39. Летифов А.Л. Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе в переходный период к социализму. Махачкала, 1972.
40. Материалы к вопросу о районировании Кавказа. Краснодар, 1923. Вып. 1.
41. Нечипурнова Н.С. Партийное руководство опытным административно-хозяйственным районированием Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1968.
42. Весь Северный Кавказ (Справочник по вопросам административно-экономического и культурного строительства края). Ростов н/Д., 1931.
43. Об упразднении автономной Горской Советской Социалистической Республики и расчленении ее по национальному признаку на две автономные области – Северную Осетию и Ингушетию, на автономную административную единицу – Сунженский округ с правами губернского исполнительного комитета и выделении города Владикавказа в самостоятельную административную единицу : постановление ВЦИК РСФСР от 7 июля 1924 г. // СУ РСФСР. 1924. № 66. Ст. 656.
44. Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Указ. соч. С. 185–194.
45. Вайнахи и имперская власть ... С. 542–543.
46. Там же. С. 561.
47. Ерещенко Г.А. Чечено-Ингушская АССР: начальный этап, развитие, совершенствование // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995. С. 112–139.
48. Обзор политического состояния СССР за октябрь 1928 г. (по данным Объединенного государственного политического управления) [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/25774> (дата обращения: 16.12.2016).
49. Там же.
50. Вайнахи и имперская власть ... С. 454–455, 563–583, 619–623.
51. Там же. С. 623.

References:

- Berelovich, A & Danilov, VP (eds.) 2000, *The Soviet village through the eyes of the Cheka – Joint State Political Directorate – The People's Commissariat for Internal Affairs. 1918-1939. Documents and materials: in 4 vols. Vol. 1. 1918-1922*, Moscow, (in Russian).
- Bugaev, AM 2014, 'Establishment of highland nations' autonomies in the Northern Caucasus: stages of development', *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 12, pp. 78-81, (in Russian).
- Bugay, NF 1979, *Revolutionary committees of Don and the North Caucasus. 1919-1921*, Moscow, (in Russian).
- Dendiev, KG & Osmaev, AD 2013, 'Political development of the Chechen autonomy in the first half of the 1920s', *Trudy Kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta im. Kh.I. Ibragimova RAN, Grozny*, pp. 335-341, (in Russian).
- Daudov, AKh 1997, *Mountain ASSR (1921-1924). Essays on social and economic history*, St.-Petersburg, (in Russian).
- Daudov, AKh & Meskhidze, DI 2009, *National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus (1917-1924)*, St.-Petersburg, (in Russian).
- Didigova, IB 1997, *Administrative and territorial structure of Chechnya and Ingushetia. 1920-1930s*, PhD in History thesis, Moscow, (in Russian).
- Efimenko, GG 2014, 'The form and real content of the "positive activity" of the Soviet authority in the field of national policy (1919-1938)', *Sovetskiye natsii i natsional'naya politika v 1920–1930-ye gody*, Moscow, pp. 157-164, (in Russian).
- Ereshchenko, GA 1995, 'Chechen-Ingush ASSR: initial stage, development, improvement', *Natsional'no-gosudarstvennoye stroitel'stvo v Rossiyskoy Federatsii: Severnyy Kavkaz (1917–1941 gg.)*, Maykop, pp. 112-139, (in Russian).
- Gatagova, LS, Kosheleva, LP, Rogovaya, LA & Kadio, J (comps.) 2009, *The Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and the national question*, in 2 books, Moscow, Book 2, (in Russian).
- Kazharov, AG 2015, 'The policy of Soviet power in the North Caucasus and the formation of the Mountain ASSR in 1920-1921', *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 5-10, (in Russian).
- Kharsiev, BM-G 2012, 'Reasons of formation and liquidation of Ingush statehood during the Soviet period', *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 8, pp. 303-305, (in Russian).
- Khlynina, TP, Krinco EF & Urushadze, AT 2012, *The Russian North Caucasus: historical experience in the management and the formation of the borders of the region*, Rostov-on-Don, (in Russian).
- Kireev, EP & Manuylenko, LF (comps.) 1958, *The struggle for Soviet authority in Chechen-Ingushetia (1917-1920)*, Grozny, (in Russian).
- Kvashonkin, AV, Khlevnyuk, OV, Kosheleva, LP & Rogovaya, LA (comps.) 1996, *The Bolshevik leadership. Correspondence. 1912-1927*, Moscow, (in Russian).
- Letifov, AL 1972, *Historical experience of national state construction in the North Caucasus in the transition period to socialism*, Makhachkala, (in Russian).
- 'Materials on the issue of the Caucasus regional division' 1923, Krasnodar, Issue 1, (in Russian).
- Nechipurnova, NS 1968, *Party leadership in respect to the experienced administrative and economic territorial division of the North Caucasus*, Ordzhonikidze, (in Russian).

Sevostyanov, GN (etc.) (eds.) 2001, "*Top Secret.*" *Lubyanka – to Stalin on the situation in the country (1922-1934)*: 10 vols., Moscow, vol. 1, (in Russian).

Sigauri, IM 1997, *Essays on the history and state structure of Chechens from ancient times*, Moscow, (in Russian).

'The entire North Caucasus (Guide for issues on the administrative, economic and cultural development of the territory)' 1931, Rostov-on-Don, (in Russian).

Zyuzina, IA (etc.) 2011, *Nakh peoples and imperial authority: the problem of Chechnya and Ingushetia in the domestic policy of Russia and the USSR (early XIX - mid XX century)*, Moscow, (in Russian).